

НАША СТРАНА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 523.142

Correo
Central B.
ArgentinaFRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

AÑO X Buenos Aires, Jueves, 26 de setiembre de 1957

Буэнос Айрес, четверг,

26-го сентября 1957 года

№ 401

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

67. РАСПРАВА НАД ЧЕТЫРЬМЯ ОППОЗИЦИОНЕРАМИ И ВЫСТУПЛЕНИЕ ХРУЩЕВА ПЕРЕД РАБОТНИКАМИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА С РАЗЪЯСНЕНИЕМ СВОЕЙ ПОЛИТИКИ. — ВОСКРЕСШИЕ ПАЛАЧИ. — УГРОЖАЮЩЕЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ДЕНИСОВА. — ВЕЗДЕ НЕПОЛАДКИ. — АТОМНЫЕ “ФОКУСЫ”. — СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА Л. Н. ГУСЕВА

Только в конце августа порешили в Кремле судьбу четырех свергнутых соперников Хрущева. Самого из них опасного — Маленкова — уже давно отправили в далекий Каменогорск директором электростанции, а остальные три числились единственными безработными в стране, хваставшей отсутствием в ней безработицы, по уверениям ее угнетателей. Затем, 31 августа, появилось сообщение о назначении В. М. Молотова послом в Монголию, самый захолустный из советских сателлитов, на весьма оригинальных условиях: прежний посол В. И. Писарев не смещается, а только получает титул советника-посланника посольства; это означает, что фактически он будет руководить посольством в серьезный для этой страны момент, когда Монголия, при поддержке СССР, Китая и всех сателлитов, поднимает вновь вопрос о своем приеме в Объединенные Нации и когда ожидается посещение ее столицы Улан-Батора маршалом Тито. Молотов будет проживать в Монголии на положении скорее пленника, чем посла, ибо за ним надзор будет поручен Писареву, но в то же время ему придется встречать и формально принимать своего злейшего врага, не скрывающего своего к нему гадливого презрения. Возможно, что Молотов обвяжет себя большим, чтоб бежать еще этого лишнего унижения. В Москве его всегда звали “бараний лоб” или “Сталинский зад”, а теперь многие возмущены тем, что он не поконтит самочуствием, что сделали в свое время Гамарник, Любченко, Червяков, Ханджиан, Скобынник и в прошлом году развенчанный пьяница-писатель А. А. Фадеев.

Другую ссылку придумали для Кагановича, не сообщая этого в газетах: всеильный в прошлом шури и любимец Сталина назначен директором нового завода “Асбест” в городе, построенном в годы войны при железнодорожной станции Богдасево под Свердловском. Так он попадает под контроль своего злейшего врага — кандидата президиума ЦК и первого секретаря Свердловского обкома Андрея Павловича Кирилленко, который выступил на последнем пленуме с грубой бранью по адресу противников Хрущева. По службе же он будет подчинен предс. Свердловского совнархоза Степанову, тоже креатуре Хрущева, готовому в любой момент обвинить его в саботаже и плохом управлении заводом.

Д. Т. Шепилов еще лежит больной в Боткинской больнице на положении простого смертного, для которого закрыты навсегда двери кремлевской больницы и богатые аптечные фонды Леч.-Сан. Управления Кремля. По ходящим в Москве слухам, его, по выздоровлении, назначат лектором по курсу политэкономии в коммерческой институт города Комсомольск на Амуре.

Среди удаленных из Москвы бывших ставленников Маленкова, занимавших при нем министерские посты, помимо названных мною в предыдущих статьях А. Н. Задемитко и П. Ф. Ломако, отметим министра машиностроения Ник. Ник. Смелякова, назначенного предсе-

дателем совнархоза в Горький, где он попадает под надзор другого нового члена президиума ЦК Н. Г. Игнатов.

Положение Хрущева, однако, не может считаться совершенно прочным: ведь на родине вызывает недоумение его лживая тактика: сначала уверения в отсутствии разногласий в президиуме ЦК, а затем выливание ушатов грязи на Молотова и Маленкова, обвиняемых в том, что они всегда систематически борлись против всей проводимой президиумом ЦК политики, непонятное оплеывание Сталина, которое то усиливается, то замирает; бестолковая политика кнута и пряника в отношении интеллигенции, которую то призывают принимать активное участие в обсуждении политических проблем, то обвиняют в лемагогических выступлениях, “проработка” писателей на всяких съездах, со вещаниях и конференциях, — все это побудило Хрущева опубликовать свою своеобразную декларацию под титулом “За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа”.

Эта своеобразная декларация представляет собою сокращенное изложение выступлений Хрущева на совещании писателей в ЦК 13 мая, на приеме работников литературы и искусства 19 мая и, наконец, на партийном активе в июле уже после разгрома оппозиции. Начав с обычной похвальбы успехами в сельском хозяйстве, он (в который раз!) настаивает на необходимости материально заинтересовать колхозников в усилении роста продукции и рассказывает, что после войны он ездил в родную деревню, навестить двоюродную сестру, и похвалил ее фруктовый сад, на что она ответила, что срубил его, ибо налоги так высоки, что невыгодно иметь фруктовый сад и продавать фрукты (как будто стали бы на Украине нажимать с налогами на кухню всеильного киевского диктатора!). Хрущев рассказал об этом Сталину, но тот его упрекнул в народничестве и потере классового чутья. Выходит, что уже в 1946 году Хрущев понимал, что советская политика на селе душит развитие хозяйства, но глупый Сталин не слушал его советов. Теперь же Хрущев снял одни налоги, снизил другие и колхозники заинтересованы в росте всякой своей продукции. Затем он стал жаловаться, что “консерваторы” ему мешают на этом пути, но обещал с ними справиться и “догнать Соед. Штаты по производству мяса, масла и молока на душу населения”. Рабочим он посулил после перехода на 7-часовой рабочий день подготовить переход на 6-часовой и при этом увеличить зарплату (при сдельной оплате?) и перевыполнять все планы производства. Затем напомнил, что он несколько раз побывал в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане, Киргизии, Литве, Латвии, Эстонии и везде нашел квалифицированные национальные кадры партийцев (намек, что рассчитывает на них опереться при недовольстве против него в кругах русских коммунистов). Затем поспешил напомнить, что созданное в прошлом году Бюро ЦК по РСФСР (из его преданных клеветов) занимается всю “развитием экономики этой

республики”, о которой “люди всех социалистических наций СССР с любовью говорят: Россия-матушка!”

Из второй части этой декларации видим, что Хрущев обвиняет в “узком практицизме” и в нарушении заветов не только Сталина, но и Ленина, ибо он спешит оправдаться, доказывая, что занимается “творческим развитием марксистско-ленинской теории”. Его враги не понимают, что “в последние годы жизни Сталина связь теории с практикой была разрушена”. Нападая на своих побитых теперь врагов, он их изображает так: “люди, мящие себя жрецами и истолкователями марксистско-ленинской науки, а на деле оторвавшиеся от жизни, порвавшие с ленинизмом и скатившиеся на путь фракционной раскольнической деятельности, направленной против коренных интересов партии, коренных интересов народа”. Они “талмудисты” (злой намек на Кагановича и женатого на еврейке Молотова) и “начетчики”, они “забыли, что люди должны в первую очередь есть, пить, иметь жилище и одеваться прежде, чем быть в состоянии заниматься политической, наукой и искусством”. Дальше он высказывает еретическую мысль: нельзя пользоваться примерами и цитатами из “Капитала” Маркса, ибо за сто лет положение совсем изменилось. Так Хрущев признает впервые учение коммунистического идола устаревшим, чем несомненно хочет угодить ненавидящему его народу и тем интеллигентам, перед которыми он сейчас выступает. Затем он снова говорит об успехах социализма в СССР и Китае Мао-Дзе-Дуна за последние годы, защищая свои нововведения.

Дальше ему приходится пояснить свое отношение к Сталину, ибо ясно, что Молотов и Каганович его попрекали в измене своему учителю и благодетелю, а народ его обвиняет в соучастии в тех сталинских преступлениях, о которых он красноречиво поведал на XX съезде. Изворачиваясь, он говорит, что все “подлые расчеты врагов” напасть после этих разоблачений на компартию и ее руководство потерпели провал. Однако “среди интеллигенции отдельные люди”... проявили шатания и колебания. Некоторые писатели “истолковали критично, как огульное отрицание положительной роли Сталина в жизни партии и страны” “...встали на путь выискивания только темных сторон и ошибок в истории борьбы нашего народа за победу социализма”. Желая смягчить впечатление от своего же доклада, Хрущев долго говорит о заслугах Сталина в деле создания коммунистического режима и борьбы с троцкистами, зиновьевцами, бухаринцами и буржуазными националистами (по отношению к ним все ужасы ежовщины, как и в отношении духовенства, интеллигенции, служившей партии при отсутствии партбилета, офицерства Красной армии, Хрущев вполне оправдывает своим молчанием по этому поводу!). Уничтожая их без пощады, “Сталин сделал полезное дело. За это мы ценим и уважаем Сталина. Мы были искренни, когда плакали, стоя у его гроба (он не добавляет, что первыми стояли и плакали у гроба Молотов, Берия и Маленков, а он топтался в отдалении с платком в руке, проливая слезы). Но дальше он упрекает Сталина в гибели “многих честных и преданных партии работников, оклеветанных и невинно пострадавших”, из которых “многих мы уже реабилитировали”.

Трагедию Сталина Хрущев видит в том, что он верил всякой клевете Берия. Дальше идет самое неожиданное в речи Хрущева: “Большая вина в этом лежит и на Маленкове, который подпал под полное влияние Берия, был его тенью, был орудием в руках Берия. Зани-

В НОМЕРЕ:

Алексей Ростов
НА РОДИНЕН. Потоцкий
ОБЗОР ПЕЧАТИА. С. Гершельман
САМОЗВАНКАМ. М. Спасовский
ЗАЙЧИКИ НА СТЕНЕГ. Месняев
НОЧНОЙ РАЗГОВОРАлександра Воронцова
ЗАПИСКИ ПЕРЕВОДЧИЦЫ

мая высокое положение в партии и в государстве, Маленков не только не сдерживал Сталина, но очень ловко пользовался его слабостями и привычками в последние годы его жизни. Во многих случаях он толкал его на такие действия, которые заслуживают строгого осуждения”.

Когда писатели и художники слушали эти слова Хрущева, они чувствовали, как заряжается винтовка или пистолет, направленный в затылок Маленкова. Ведь после таких слов можно спросить: почему до сих пор Маленков — “тень Берия”, “его орудие” не разделяет участи других орудий меньшего калибра, как Абакумов, Деканозов, Меркуров, Гоглидзе, Багиров. Невольно напрашивается единственный возможный ответ: следствие еще не закончено; ведь понадобился год, чтобы расследовать преступления Абакумова и Багирова и казнить их после казни Берия с Меркуровым и Деканозовым. Мне лично вспоминается, как за убийство Кирова казнили сначала группу Каталинова, через полтора года Зиновьева с 15 оппозиционерами, а через полгода в соучастии в том же убийстве обвиняли Пятакова и Сокольников, а еще через год — Бухарина и Рыкова, которые, якобы, тоже одобрили план этого убийства. Теперь выкопали “ленинградское дело”, за которое расстрелян через год после Берия его “орудие” — Абакумов, а теперь названо другое орудие — Маленков. Вывод могут сделать все в СССР, прочитав “Правду” от 28 августа, где напечатаны эти слова.

Затем Хрущев переходит к литературе и начинает с оправдания тех, кто получил Сталинскую премию и говорит, что сам бы носил с почетом значек лауреата, если бы получил эту премию. Он обещает поддержку писателям, которых осуждают за написанные при Сталине его аполонии. Затем он ополчается против “носителей вредных взглядов”, которые дают Грибачеву и другим писателям кличку “лакировщиков” за воспевание положительных героев и успехов советского строительства. Зато он нападает на тех, кто выискивает недостатки и представляет жизнь в СССР в черном свете. Дулинцева он упрекает в том, что он “сгущает краски, злорадствует по поводу недостатков” и дает материал для цитат врагам СССР в эмиграции. Также резко он нападает на “Новый Мир” и “Литературную Москву” и тех, кто выискивает плохое и ковыряется в мусорных ямах, выдавая это за характерное в жизни. Отсюда он переходит к угрозам, ибо партия не может стоять в стороне и допускать, как попытки охаять советскую жизнь, так и слазаво-сусальные произведения, как “Незабываемый 1919 год” Всея. Вишневецкого или “Кубанские казаки” (там восхваляется Сталин и верность лично ему коммунистов, что является укором

рущеву!). Попутно он хвалит нападавшего на Дудинцева беспартийного писателя Леонида Соболева (мичман Балт. флота в 1917 году) и грозит поэтессе Алигер, которая не кается — «мне, секретарю ЦК КПСС, гораздо ближе позиция беспартийного писателя тов. Соболева, чем члена партии тов. Алигер, которая занимает фальшивую позицию и неправильно относится к критике ее ошибок».

Заявив о своем намерении бороться против вредных писателей, порочащих советское житье, Хрущев принимает грозный тон: «надо трезво смотреть на вещи, отдавать себе отчет в том, что враги существуют и они пытаются использовать идеологический фронт для ослабления сил социализма. В этой обстановке наше идейное оружие должно быть в исправности и действовать безотказно. Урок венгерских событий, когда контрреволюция использовала в своих грязных целях некоторых писателей, напоминает о том, к чему может привести политическая беспечность, беспринципность и бесхарактерность в отношении к проидам сил, враждебных социализму. Каждому должно быть ясно, что в современных условиях, когда идет острая борьба между силами социализма и силами империалистической реакции, надо держать порох сухим».

Это заявление Хрущева показывает, что сопротивление режиму, ослабленному внутренней борьбой противников хрущевской диктатуры, настолько растет, что Хрущев сам считает возможным повторение в России прошлогодних венгерских событий. Там ведь тоже началось с шатания внутри правящей клики, устранения Ракоши (прототип Молотова в России), пересмотра процессов, реабилитации сталинских жертв, студенческих сходок, писательских выступлений, а кончилось вооруженным восстанием, поддержанным армией и подавленным лишь иностранными войсками. Ведь, начнись такое восстание с переходом войск на сторону на роде в Москве, не поспеют войска Мао-Дзе-Дуна и не справится им с русской армией, если она поднимется против партийной диктатуры. Так думает Хрущев, который не хочет и не может допустить критики режима со стороны Дудинцева и других писателей и журналистов. В первый раз он нашел нужным, говоря о положении в России, напомнить события в Венгрии, которые требуют «бдительности» в самой России и подавления всякой критики режима писателям. Любопытно, что он представляет себя защитником писателей при Сталине. В стихотворении «Мать» украинский поэт Максим Рыльский воспевал Украину. Сталин разозлился, что его в стихах поэт не упомянул. Каганович, который подхалимничал и все делал для раздувания культа Сталина, стал изображать Максима Рыльского, как буржуазного украинского националиста. Он играл на слабых струнках

Сталина и не думал о последствиях необоснованных обвинений по адресу уважаемого украинского писателя-патриота Максима Рыльского», которого якобы Хрущеву удалось спасти от гнева Сталина.

Тут опять ясно видно намерение Хрущева обвинить Кагановича в натравливании Сталина на невинных, что ставит Кагановича на одну доску с Берия!

Под конец Хрущев хвалит послушных писателей, как Твардовский и Панфилов, которым критика со стороны партийной верхушки пошла на пользу и выражает надежду, что «Дудинцев при нашей помощи и его желании может стать на верный путь». Он предлагает самим писателям «выправить положение дел». Заканчивается длинное выступление Хрущева обычными призывами выполнить исторические задачи; писателям рекомендует он «отдать все силы, свой талант, чтобы воспеть героические подвиги нашего великого народа — строителя коммунистического общества».

Я так подробно передал и процитировал это выступление Хрущева, ибо считаю его политически очень важным: в нем точно очерчены границы десталинизации, совпадающие с моими предположениями в первых моих статьях после XX съезда, намечен путь к расправе над Маленковым и, пожалуй, Кагановичем (жалкому Молотову скорее позволит спокойно умереть в далекой Монголии), объявлена борьба партии против писателей и интеллигентов, ведущих на род по пути, который привел в Венгрии к восстанию, от которого Хрущев признает Россию незастрахованной.

Продолжается поток заявлений различных дряхлах старых большевиков, осуждающих оппозиционеров и заверяющих ЦК в своей преданности. Внимательно перепечатав 400 подписей коммунистов, вступивших в партию до октября 1917 года, я нашел лишь 4 известных лица среди этих неведомых стариков из партийной челяди полпольного периода: Глеб Максимилианович Кржижановский, друг молодости Ленина и Крупской в 1895 году, арестованный вместе с Лениным, впоследствии автор плана электрификации и академик с 1929 года, Рубен Павлович Катанян, член партии с 1903 года, прокурор по надзору за ОГПУ и обвинитель по политическим процессам в 1922-23 г.г., потом член коллегии Наркомфина, неизвестно где пропадавший в 1930 году и теперь воскресший в роли партийного ветерана, Е. Д. Шкирятова, в партии с 1908 года, вдова многолетнего председателя Комиссии Парконтроля и близкого друга Сталина, пережившего его лишь на полгода, А. М. Ионов (Зильберштейн), советский поэт подполья и первых лет революции, зав. партизандельством «Прибой» в Ленинграде по 1926 год, сосланный затем за зиновьевскую оппозицию и теперь всплывший на поверхность советского болота в роли послушного на-

чальству инвалида партийной богадельни. Эти воскресшие палачи (все трое, кроме Кржижановского, причастны к советскому террору, особенно свирепый Рубен Катанян!) напоминают о тех реках крови и морях слез русских людей, в которых они повинны, и о тех грязных тайнах советских застенков, к которым они причастны.

О растущих беспорядках даже в самих партийных органах повествует статья I-го секретаря Саратовского Обкома Георгия Аполлоновича Денисова «Строго соблюдать ленинские нормы партийной жизни» («Правда» от 16 августа). Он сообщает небывалый факт: на заводе тяжелого машиностроения в Саратовском парком постановил удалить назначенного Москвой директором завода Чупахина. Пришлось ему лично вмешаться, чтоб разъяснить, что парком завода не смеет не подчиниться приказу министра, который один имеет право назначить и увольнять директора. Этот случай показывает, насколько упал авторитет советского правительства даже среди руководящих кадров провинциальных партийцев. В той же статье приведены другие примеры неподчинения партийным директивам в подчиненной ему Саратовской парторганизации. Между тем, это любимец Хрущева, перееданный им год назад из далекого Кургана в Западной Сибири.

Советские газеты пестрят сообщениями о беспорядках и неполадках во всех концах страны; приведем хотя бы один пример: к крупнейшему курорту Анапа до сих пор, как и до революции, не проложена железнодорожная ветка, а автобус ходит от станции «Тоннельная» в 30 километрах от Анапы лишь два раза в день. Но для багажа нет камер хранения и пассажиры с дракой лезут в автобус с вещами, которые валялись в пыли у автобусной остановки, и потому автобус не может погрузить всех желающих с утра пассажиров. На всех курортах больные в этом году жаловались на перебои в работе ванн заведений, на отсутствие овощей и молочных продуктов на местном рынке, на безобразное питание в санаториях. Везде находим жалобы на опоздания поездов, на пропажу багажа, на кражи в вагонах поездов дачных и дальнего следования. Любопытно, что авиапассажиры жалуются на грязь и плохое качество пищи в ресторанах аэродромов, особенно в Сибири и в Средней Азии, где не требуется пускать пыли в глаза иностранцам, которые этими авиалиниями не пользуются.

Читатели просят меня упомянуть о пресловутом новом советском оружии, способном, якобы, поразить любой пункт земного шара. Я прочитал сообщение ТАСС от 27 августа о «сверхдальней, межконтинентальной, много-

ступенчатой баллистической ракете» и оно произвело на меня впечатление пустой угрозы. Оно составлено в форме не правительственного сообщения, а лишь анонимного заявления ТАСС. Затем рассказывается о полете на небывалой высоте и точности попадания в заданный район в короткий срок, о необходимости при таком оружии стратегической авиации (в которой СССР уступает Соединенным Штатам), о ряде взрывов ядерного и водородного оружия. Получается впечатление, что провал пропаганды «сторонников мира» побудил перейти к угрозам и запугиванию Запада, особенно населения Соединенных Штатов, чтобы оно заставило правительство отказаться от тех новых видов оружия, в которых оно сильнее СССР. Расчет этот оказался ошибочным, ибо побудил конгресс принять правительственные ассигнования на военную помощь союзникам, которые депутаты решили сначала сильно сократить. Незнание психологии свободных народов и плохая осведомленность советских дипломатов влекут подобные психологические просчеты. Советские посольства повсеместно хорошо организуют шпионаж, могут узнать секрет какого-нибудь оружия, выкрасть чертеж или модель, но совершенно не понимают психологии иностранных народов. Поэтому они полагают, что религиозное население мусульманских стран, ими вооруженное, осовеетится. Они создали в свое время военную мощь Кемальской Турции и Чан Кай-ши, а сейчас стыдливо скрывают, что воспетое ими правительство Бургиба в Тунисе поручило своему дипломату принять участие в расследовании венгерских злодеяний коммунистов и он подписал тот обвинительный акт пятичленной комиссии, представленный Объединенным Национам, на который злобно нападает теперь советская печать. Так же могут они почитаться в расчетах на Сирию, Египет и на митрополита Макария, который перед поездкой в Москву отправился сначала в Соединенные Штаты защищать дело киприотов перед Объединенными Нациями.

25 августа скончался командующий войсками Забайкальского Военного Округа Дмитрий Николаевич Гусев, родившийся в 1894 году и встретивший революцию в чине поручика Императорской армии. Вступил добровольно в Красную армию, был начальником штаба полка на Восточном фронте и с начала последней войны был начальником штаба Ленинградского Военного Округа в период блокады города; с 1944 г. командовал армией, сначала на Ленинградском, затем на I-м Украинском фронте; после войны командовал округами: Ленинградским, Восточно-Сибирским и Забайкальским. Он был «героем Советского Союза». Некролог, не указывая год его вступления в партию, называет его коммунистом.

Александра Воронцова

— ЗАПИСКИ ПЕРЕВОДЧИЦЫ —

10. ИНЖЕНЕР и ТЕХНИК

Должна признаться, что меня больше всего интересовали советские писатели, художники, артисты, журналисты, которые прошли перед читателями в моих предыдущих статьях. Поэтому мне в сущности довелось побеседовать только с одним инженером и только с одним техником.

Первый из них работает на одном из крупнейших заводов, выстроенном в годы первой пятилетки. Он мне рассказывал, гуляя по Капри, когда туристы разбивались на отдельные группы и мы оказались вдвоем, что этот замечательный завод был перестроен и переоборудован после войны и снабжен немецкими станками, снятыми с лучших германских заводов. Он сам прожил два года в Германии, работая по демонтажу германских заводов и отправке их оборудования в Россию. Во главе этих инженеров стоял член политбюро ЦК Сабуров, а потому мой собеседник называл себя «офицером-сабуровцем». Они все носили военную форму и им были даны военные чины. Он лично был инженер-майором.

Для установки этого оборудования на заводах работали немецкие инженеры. На мой вопрос, были ли они военнопленными или военными преступниками, он ответил отрицательно.

— После войны и разрушения нами немецких заводов в нашей зоне осталось много безработных немецко-инженеров и они охотно приняли наше предложение поехать из голодной и разоренной Германии к нам. В 1946 году они подписали годовые контракты и приехали устанавливать оборудование на наш и другие заводы. Через год им предложили возобновить на год их контракты и при этом прибавили зарплату. Затем стали каждый год возобновлять контракты, но уже без всяких прибавок. Если они не хотели возобновлять контракт, то им говорили, что их отъезд сорвет выполнение плана и тогда каждый предпочитал подписать новый контракт, чтобы не быть виновным в срыве плана крупного советского завода. Такие немцы работают теперь у нас уже много лет.

Я поинтересовалась, обрусели ли эти немцы?

— Многие выписали семьи и научились говорить по-русски, но дома говорят между собой по-немецки, другие поженились на наших девушках и говорят всегда по-русски. Но, представьте себе, после приезда Аденауэра в Москву даже те, которые приняли советское подданство, стали писать в свое посольство в Москву, прося их «выхлопотать», хотя для этого нет оснований.

— Почему вы думаете, что их не выпустят теперь из России? — спросила я.

— Прежде всего потому, что многие приняли наше подданство (теперь они пишут, что боялись отказаться, когда им это у нас предложили). Затем мы их вербовали в Восточной Германии, которая имеет свое посольство в Москве, а они обращаются в посольство Западной Германии и просят хлопотать, чтобы мы их отпустили в Западную Германию, где они никогда не жили. Также хитрят: понимают, что посольство Восточной Германии никогда не будет у нас просить отпустить на родину немца, если он нам еще нужен на заводе. Когда я их спрашивал: почему вы, ребята, в свою Восточную Германию не проситесь? Они мне отвечали: мы сами у нас там заводы наши по кусочкам разобрали, где же нам там работать, а в Западной Германии требуются инженеры и там мы будем чувствовать себя дома. Видите, хочется им опять в капиталистическую обстановку окупиться, даром, что столько лет в Советском Союзе прожили. Знаете, у нас по-русски говорят: черного кобеля не отмоешь до бела!

Наш разговор с этим инженером был прерван приближением к нам его друга, который оказался техником на одном из крупнейших в СССР заводов в новом городе, названия которого я никогда не слышала.

Словоохотливый техник рассказал мне кратко историю своего завода.

— Выходит, что вы старше и своего города и своего завода? — спросила я.

— Конечно, — рассмеялся он, — таких городов у нас теперь немало, не то, что у вас на Западе, где больше показывают разные развалины, как в Помпеях, или старинные церкви.

Я пояснила, что туристам показывают исторические памятники, а если его пришлось изучать промышленность, в которой я ничего не смыслю, то ему, наверное, найдут что показать.

Далее он стал рассказывать, что теперь вся промышленность сосредоточивается на Урале и за Уралом, дабы она не пострадала от налетов, в случае новой войны. Вообще советские заводы так оборудованы, что невязимы для налетов иностранной авиации.

Я заметила, что сосредоточение промышленности вдали от границ показывает, что оборудование их может пострадать от налетов и потому новые заводы помещают так далеко в глубине страны, где они не могут быть добычей врага, как была промышленность Украины в прошлую войну. Он с этим согласился и стал говорить о миролюбии СССР, при непрерывной работе по укреплению промышленности и оборонной способности страны. Затем он стал мне хвалить уральский климат и красоту природы, прибавив, что Свердловск лучше выглядит, чем старые города Европы.

Пока мы еще гуляли в ожидании других туристов, я его спросила: считают ли в СССР неизбежной новую войну?

— Вы сами видите, что по вине американцев нигде нет до сих пор настоящего мира. Даже насчет Германии или Корен сговориться с ними невозможно.

По советскому обычаю некролог под писали его начальники и сослуживцы: 9 маршалов, начиная с Г. К. Жукова, секретарь компартии Грузии и кандидат президиума ЦК В. П. Мжаванадзе, что позволяет думать, что он умер на грузинском курорте, и 15 генералов, часть которых командует военными округами, а часть занимает крупные посты в Министерстве Обороны. О смерти вне Москвы можно судить также и по тому, что гроб был выставлен для прощания в Краснознаменном зале Центрального дома Советской армии только через три дня после смерти — 28 августа, а похороны состоялись вечером того же дня на Ново-Девичьем кладбище, где хоронят советских вельмож и вождей второго ранга, не заслуживших похорон на Красной площади.

Алексей Ростов

Пост скриптум. Всецело посвятив себя борьбе с коммунистическими угнетателями нашего народа, я сознательно отстраняюсь от всякой полемики против враждебных нам, или инакомыслящих группировок эмиграции. Мои читатели, переслав мне вырезку из "Нового Русского Слова" от 10 августа с руганью Марка Вишняка по моему адресу, просят на нее отозваться. Называя меня клеветником за то, что я на основании разоблачений Льва Любимова в "Новом Мире" пишу о сотрудничестве матери Марии и Бунакова-Фундаминского с советской агентурой и называю их, как и ряд других упомянутых Любимовым эмигрантов советскими агентами и шпионами, Вишняк, получивший когда-то юридическое образование, должен был бы уличить меня в клевете, приведя доказательства того, что Любимов солгал и они никогда не работали с советскими агентами, перечисленными в статье Любимова. Тогда я охотно признал бы, что повторяю клевету Любимова. Таких данных Вишняк не приводит, но указывает, что мать Мария была поэтессой, а Бунаков-Фундаминский — редактором "Нового Града" и "Современных Записок", что отнюдь не опровергает их просоветской подпольной работы в годы войны. Самый факт их гибели в немецком концлагере вовсе не убеждает в том, что они не были связаны с советскими органами, о чем пишет Любимов, рассказывая о своей совместной с ними просоветской деятельности. Почему среди всех погибших в германских концлагерях не могло быть никого, сотрудничавшего во время германо-советской войны с советскими органами, ведущими антигерманскую борьбу в оккупированной Франции? Я лично признал бы более убедительным фактом их смерть не в германском, а в советском концлагере, в котором гибнут враги большевизма, и могу только пожалеть, что они погибли на службе той партии которая разогнала Учредительное Собрание, секретарем которого был Марк Вишняк. Он великодушно признает, что не знает: был ли

Н. Потоцкий

ОБЗОР ПЕЧАТИ

Увидя в номере "Нового Русского Слова" от 16-го июля с. г. заглавие статьи Г. Раковского "Среди монархистов", я подумал, что статья содержит какие-нибудь провокационные выпады против зарубежного монархизма в стиле г. Водова, и... ошибся: статья вполне объективная, спокойная и, в сущности, чисто информационная. Автор пишет:

"Казалось бы, что на четвертом десятке своего существования русская эмиграция давно покончила с монархизмом. В действительности, монархисты доказали свою жизнеспособность тем, что до сих пор под их влиянием находится весь правый сектор эмиграции. Монархисты имеют свою печать, ряд политических, общественных, культурных организаций, оказывают часто существенное влияние на формирование общественного мнения".

"Монархист-реставратор старого типа сходит со сцены и уступает свое место монархисту модернизированному, трезво учитывающему изменчивую политическую ситуацию. Фактически самоликвидируется Высший Монархический Совет, созданный после первого зарубежного съезда в Рейхенгале с Марковым Вторым во главе. Сейчас, когда умер

я советским шпионом, состою ли на советской службе или буду на ней состоять? Признаю взаимно, что и у меня нет подобных данных относительно самого Вишняка и не думаю, что он на склоне дней пойдет на советскую службу. К сожалению, не могу поверить, что он не читает моих статей, если берется о них писать.

В отличие от него я отношусь с уважением ко всякому, кто борется против большевизма, хотя бы будучи совершенно другим политическим убежденным, чем я. Еще в России я преклонялся перед героизмом однополемников Марка Вишняка и его партийных товарищей Фанни Каплан и Моисея Канегиссера, поднявших руку на Ленина и Урицкого; я уважал мужество, проявленное на процессе эс-эров лидерами этой партии Гоцем, Ратнемом и пламенным трибуном партии Гандельманом, но не могу питать уважения к секретарю Учредительного Собрания, не оправдавшему в исторический момент доверия своих избирателей и струсившему при первом окрике матроса Анатолия Железняка.

В заключение прошу извинения у редактора и читателей "Нашей Страны", что посвятил столько строк бездоказательному письму малозначительной для нас фигуры, напомнившей нам роковые дни 1918 года.

Алексей Ростов

Ведь, везде перемирие, а не настоящий мир. Нам на политкружках объясняют, что после прошлой мировой войны везде заключили мирные договоры довольно скоро, а теперь, вот уже 11 лет прошло, как стрелять перестали, а американцы не хотят с нами сговориться о мире с Германией. Именно мы победили в Германии и Японию, а теперь наши же союзники мешают мир заключить, а ведь мы же их спасли от фашизма. Поэтому мы знаем, что придется готовиться и нам тоже к войне.

— А вы сами не ведете политкружок? — спросила я, слушая эту обычную пропаганду.

— Нет, хотя и вхожу в состав партактива нашего завода. Но я веду технический кружок для рабочих, которые желают повысить свою квалификацию. Кроме того я посещаю марксистско-ленинский университет, где наши инженеры и техники проходят общественные науки и прорабатывают вопросы текущей политики. У нас ведь инженеры не только знают свое производство, как у вас, но проходят и политучебу. Вот видите, как у нас ценят активистов: я — простой техник, но премирован поездкой на "Победу" за свою производственную и общественную работу, как и другие инженеры и техники, которые входят в состав нашей экскурсии по Европе. Наша зарплата остается нашим семьям, пока мы катаемся по разным странам и повышаем таким путем наш общественный кругозор.

— Скажите мне откровенно, как вам понравилась Европа?

— Знаете, мне кажется, что жизнь у вас культурная и интересная, но у вас нет молодости, нет никакого будущего. Мы видели Грецию, сейчас видим Италию — все прошлое: в Афинах — Акрополь, в Риме — Форум, Колизей, Пантеон, картины старинных художников в музеях Ватикана, в Неаполе — Помпеи. У вас — славное прошлое и ничего нет впереди, а у нас в России не только настоящее, где еще, конечно, многого нам не хватает, но зато у нашей страны и славное и большое будущее!

— В этом я не сомневаюсь, — сказала я, — влагая в мои слова совсем другое содержание, чем этот партийный активист. Из его рассказа я поняла больше, чем из бесед с другими, что входившие в состав экскурсии инженеры и техники выдвигались не только по своим производственным успехам, но и по степени политической активности и поэтому вели такие же пропагандные речи, как и профессора марксизма-ленинизма или работники ЦК, о котором я говорила в одной из первых моих статей, но этот техник оказался менее осторожен и больше выболтал, чем полагалось, насчет подготовки к войне "миролюбивых" правителей СССР. Инженер же порассказал о задерживаемых в России германских специалистах то, что сейчас усиленно отрицают советские дипломаты в переговорах с Западной Германией. Поэтому скрою фамилии обоих, а также и хорошо мне известное по их же рассказам место их работы.

Александра Воронцова

его последний председатель, Скаржинский, ВМС существует лишь номинально. В ближайшее время его место, видимо, займет Монархический Центр, который должен объединить вокруг себя все законопослушные организации, признающие Владимира Кирилловича главой Российского Императорского Дома".

Далее автор излагает точку зрения "сторонников монархического активизма": "Эпоха свернутых знамен прошла. Сейчас перед Зарубеьем стоит почетная задача объединения вокруг Владимира Кирилловича, Главы Российского Императорского Дома. Всемерно содействовать этому должен Российский Монархический Центр с местопребыванием в Нью-Йорке. Уже организован Центральный Комитет по сбору средств в Казну Великого Князя. Инициаторами по организации Монархического Центра являются редакторы монархических органов "Наша Страна" и "Знамя России", Дубровский и Чухнов. Первый замещает умершего основателя газеты М. Солоневича, идеолога "народной монархии". "Знамя России" имеет подзаголовок, указывающий, что это орган независимой монархической мысли. Редактор настроен оптимистически, считая, что "мы накануне объединения российского Зарубежья, в большинстве своем монархического".

Нам хотелось бы сделать автору этого совершенно беспристрастного репортажа и читателям "Нового Русского Слова" следующие пояснения:

Одним из самых ярких доказательств жизнеспособности зарубежного монархизма является тот факт, что после последней войны из рядов новой эмиграции в него вошло очень значительное количество молодых, живых, активных и жертвенных сил, и между ними и теми монархистами старой эмиграции, которые отмежевались от монархических "пузырей потонувшего мира", не оказалось никакого разрыва и разномыслия в восприятии Идеи Народной Монархии. И в рядах тех монархических организаций, которые безоговорочно подчинились Великому Князю Владимиру Кирилловичу, мы находим ныне и бывших лейтенантов Красной армии и Красного флота, и бывших рядовых бойцов их, и вчерашних колхозников и рабочих, родившихся и выросших уже при советской власти. Не доказывает ли это самым наглядным образом духовную силу нашей Идеи, раз она так легко и органически прививается представителям новых русских поколений, как только они очутились в условиях духовной свободы и возможности самим выработать свое политическое кредо?

Если, по словам автора статьи, мы превратились в "монархистов модернизированных, трезво учитывающих изменчивую политическую ситуацию", то наша расшифровка этого определения сводится, конечно, отнюдь не к тому, что мы стали политическими оппортунистами в стиле НТС и ЦОПЭ, а к тому, что мы, следуя мудрому совету Козьмы Пруткова, просто "смотрим в корень" и учитываем, что наш народ, изведав, что такое "демократическая республика" весны и лета 1917 года, познакомившись затем на собственных боках с социалистической диктатурой и сравнив свою теперешнюю жизнь с жизнью дореволюционных лет, о которой он знает и из рассказов своих отцов и дедов, и из классической литературы, делает в нужный час единственно логический вывод: подлинную свободу и подлинное народное благо может дать ему только Монархия, опирающаяся на все общественные классы, ни один из которых не будет иметь никаких кастовых и имущественных привилегий, независимая ни от одного из них и следовательно, могущая наилучшим образом выполнять роль Верховного Арбитра в столкновениях интересов отдельных социальных слоев, т. е. заботиться о всех своих подданных, как о своих родных детях, т. е. другими словами — МОНАРХИЯ НАРОДНАЯ. И может ли наш умный и сметливый народ не учесть своих собственных многовековых исторических традиций, т. е. своего опыта в строительстве Родной Земли, который показал многим поколениям его предков, что органически необходимой Российской Государству Верховной Властью с точки зрения его духовных уст

ремлений и жизненных интересов всегда была Монархия и что она наилучшим образом выполняла свои функции именно тогда, когда наиболее приближалась к идеалам Православия, Самодержавия, Законности и Народности.

В июльской тетради "Возрождения" М. Расловлев уничтожающим образом уличает одного из последних партий социал-революционеров, М. Вишняка, в его полном политическом невежестве, выразившемся в его противопоставлении (в его статьях о Феврале) монархий "английского и скандинавского типа" — монархии легитимной.

Мы, народные монархисты, категорически отрицаем органическую пригодность конституционных (т. е. ограниченных парламентом) монархий, как основанных на принципе юридических норм, для нашего народа, который видит сущность Монархии в ее созвучии со своим идеалом Божьей Правды и, следовательно, в ее опоре на совесть, как религиозно-нравственный фундамент построения государственной и общественной жизни нации. Но мы нисколько не отрицаем, что эта монархическая форма власти может подходить тем народам, у которых на первом плане стоит чисто юридическое понимание ее сущности; в то же время мы не можем не признать, что законное наследование престола является таким же положительным фактором в монархии конституционной, как и в монархии самодержавной. А потому мы не можем не согласиться с М. Расловлевым, когда, восставая против недомыслия Вишняка, он пишет:

"Как будто легитимность, т. е. строгая законность не составляет самую сущность и моральную силу вышеупомянутых монархий (моральную, добавим от себя в понимании их народов, Н. П.), покоящихся именно на незыблемом все народном уважении к основным законам их стран, к этой традиционной воле всей нации, понимаемой не как опрошенный в некий прохлящий момент избирательный корпус, а как совокупность всех ее поколений, прошлых и настоящих, активно создававших или пассивно санкционирующих подходящий ей государственный строй".

"Надо полное и предвзятое непонимание неугодных Вишняку исторических явлений, чтобы так трактовать легитимизм, и мне кажется, что в этой политической безграмотности видного представителя нашей, охотно кичащейся своей культурностью левой общественности, в этой нарочитой враждебности к некоторым искусственно созданным его жупелам кроется одна из главных причин печального раскола и взаимного непонимания в среде российской эмиграции".

"Ведь все мы, за весьма малыми исключениями, исходим из бесспорного для всякого здравомыслящего человека положения, что государство существует для народа, а не народ для государства, каковое поэтому может быть прочным и благодетельным лишь тогда, когда оно покоится не на одном принуждении со стороны правящего меньшинства, а на добровольном, благоволенном подчинении большинства народа своим собственным законам".

"Прекрасно выразил это в свое время известный итальянский историк Гвильельмо Ферреро, изгнанный фашистами именно за свою приверженность легитимизму, определяемому им так:

"Легитимизм состоит в молчаливом, всеми подразумеваемом согласии между Властью и ее подданными относительно некоторых принципов и правил, определяющих преполаты и пределы Власти. Ясно, что такое согласие, дающее удовлетворение как Власти, так и подданным, освобождает ее от страха перед бунтом, мучающим ее всегда, если она покоится только на принуждении своих подданных, а их освобождает от страха перед произволом власти имущих... Так что жизнь становится приятной для всех".

"Иначе говоря, легитимизм есть ни что иное, как всеми всегда желанное подчинение не за страхом, а за совестью, чем он и отличается от всех других политических форм. Будь они монархическими или республиканскими безразлично".

Н. Потоцкий

Контора газеты "Наша Страна" очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

